

ПЕТР I В ЛИБЕРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов российских либеральных деятелей второй половины XIX – начала XX в. на Петра I и его преобразования. Ее предметом являются исторические и публицистические работы таких авторов как М. Погодин, С. Соловьев, К. Кавелин, Б. Чичерин, П. Виноградов, С. Франк. Используя текстологический анализ, автор ставит цель проанализировать те оценки, которые давали представители либеральной российской общественности преобразовательской деятельности Петра I. Как считает автор, с точки зрения российских либералов, Россия являлась частью Европы, прежде всего в географическом смысле, а общность судеб России и западноевропейских стран часто определялась географией. Европейская культура, считали мыслители, нашла свое место в России, которая до Петра I отличалась своей самобытностью и твердостью исконных начал. Автор приходит к выводу о том, что российские либералы признавали европеизацию в качестве органичного исторического явления, вызванного всем ходом развития страны и выражавшего ее потребности. В целом европеизации России при Петре I давалась позитивная оценка. Она рассматривалась как фактор интеграции Российского государства в европейские процессы и залог ее экономического и политического развития. Вместе с тем, преобразования России в европейском направлении, как считали интеллектуалы либерального толка, носили неоконченный характер. Либеральные мыслители выдвигали разные причины неоконченности преобразований по европейскому пути. С общей оценкой европеизации России была связана оценка личности и деятельности самого царя-преобразователя, в том числе в связи с его ролью в укреплении в России государства и самодержавного строя.

Ключевые слова: Петр I; XIX век; российский либерализм; российская история; европеизация России; реформы; Константин Кавелин; Сергей Соловьев; Борис Чичерин.

Сведения об авторе: Татьяна Юрьевна Айдунова, старший преподаватель кафедры истории России.

Место работы: Институт истории и международных отношений Южного федерального университета.

Контактная информация: 344010, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Перенко, д. 18; тел.: 89281475628, e-mail: tat-apr@mail.ru.

Историческая значимость Петра Великого ясно осознавалась разными направлениями общественно-исторической мысли России середины – второй половины XIX в. и начала прошлого века, в том числе либеральными. Это было не случайно. В нем видели великую историческую личность, которая с исключительной четкостью осознала, что Россия должна занимать свое место среди европейских стран, и сделала многое для того, чтобы сдвинуть русское общество и его культуру в данном направлении. В этом отношении, с одной стороны, прослеживается определенная культурно-историческая традиция русской общественной мысли. В самом деле, роль Петра I как государя, способствовавшего усвоению Россией достижений западных стран, признавалась еще с XVIII в. Но в либеральном течении русской общественной мысли это признание приобрело новое качество. За Петром I признавалась заслуга не просто в

усвоении передового опыта и передовой культуры стран Западной Европы, не просто в подражании передовым западноевропейским странам. Его заслугу видели в выводе России в круг европейских народов и государств. Место России в Европе мыслители либерального направления считали не случайным, поскольку оно соответствовало представлению о европейском народе как о народе, способном к саморазвитию, и такую способность признавал С.М. Соловьев не только за странами западной культуры, но и за Россией, вводя Россию как новый элемент всемирной истории (Ерыгин А.Н. 1993: 36). Конечно же, такое направление мысли было не вполне новым для русского общества. Зачатки его наблюдались еще в конце XVII в., когда Российское государство в союзе со странами Европы вступило в антиосманскую коалицию, или, по словам В.О. Ключевского, «формально вступило в концерт европейских держав» (Ключевский

1957: 353). Как часть европейского мира рассматривал Россию историк конца XVII в. А.И. Лызлов. Участник Крымских, а затем Азовских походов, он в своей «Скифской истории» ставил Россию в один ряд с европейскими христианскими странами в борьбе против турецкой агрессии (Чистякова, Богданов 1988: 126–127). В дальнейшем, на протяжении XVIII в., взгляд на Россию как на часть европейского мира продолжал утверждаться. Так, в своем наказе Уложенной комиссии 1767 г. Екатерина II прямо заявляла: «Россия есть Европейская Держава» (Наказ комиссии ... 2010: 115). Эта мысль была твердо усвоена императором Александром I. Проект Священного союза, в формировании которого он принял самое активное участие после завершения войн против наполеоновской Франции и в ходе работы Венского конгресса, означал выражение идеи европейского единства, в котором Россия занимала самое видное место.

Однако, после смерти Александра I и восстания декабристов получила преобладание идея противоположного характера. Европейские революции, прежде всего Великая Французская буржуазная революция, потрясения наполеоновских войн, а также восстание декабристов выдвинули на первый план идею, согласно которой между Россией и странами Западной Европы существуют самые резкие различия в их истории и современном состоянии, которые не позволяют отнести Россию к странам европейского мира и, следовательно, создают исторические гарантии невозможности революции в стране. При этом подчеркивалось, что у России особый исторический путь. С точки зрения М.П. Погодина, Россия и страны Западной Европы представляли собой «две большие, качественно иные мировые цивилизации – западноевропейскую, наследницу Римской, и восточноевропейскую, наследницу Восточной Римской империи» (Шириянц, Рясенцев 2010: 8). Замечание совершенно справедливое. Впрочем, однако, даже М.П. Погодин не

решался полностью оторвать Россию от стран Западной Европы. По его словам, высказанным в статье «Петр Великий», «Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое, и, следовательно, по физической необходимости должна разделить судьбу ее и участвовать в ее движении». И при этом добавлял: «как планета повинуетя законам своей солнечной системы» (Погодин 2010: 234), поскольку параллели между историческими и физическими явлениями он считал очень убедительным аргументом. Но эта мысль все-таки находилась на периферии его мировоззрения, в котором положение об исторической обособленности России от западных стран было краеугольным. По существу, он и не отрицал это положение, поскольку говорил о России как о части Европы прежде всего в географическом смысле, а общность судеб России и западноевропейских стран определялась, по мысли его, географией.

Но если М.П. Погодин не допускал мысли о полном отрыве России от стран Запада, то либеральной общественной мысли идея общности исторического пути России и стран Западной Европы была близка. Западничество ее направление допускало, что изначально, на стадии своего исторического становления, Русь была глубоко самобытной страной. Однако уже в новое время сохранение самобытности, отрыв от европейской культуры означал не что иное, как консервацию отсталости. Поэтому переход на европейский путь развития, европеизация государственных структур, общественного быта и культуры, с превращением ее в часть европейской международной политической системы, с включением русской культуры в культуру европейского мира представляли, на взгляд западников, глубинную потребность страны. Так, Н.П. Павлов-Сильванский замечал, что сама мысль о Петре Великом как о творце новой России, «о петровской реформе как залоге дальнейшей европеизации России», по существу «разрывала органическое раз-

витие России на две половины» (Павлов-Сильванский 1988: 8). Тем не менее, идея органического развития русской истории в полной мере разделялась в западной исторической мысли. Но она вполне уживалась с представлением о переходе на европейский путь развития при Петре I. В частности, органичный характер русской истории признавали в полной мере К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев. Возможно, поэтому замечание Н.П. Павлова-Сильванского о неизбежном отходе при противопоставлении допетровской и новой России от идеи органичного развития истории страны не было подхвачено и не получило сколько-нибудь заметного продолжения. Напротив, подчеркивалось, что С.М. Соловьев столь глубоко понимал органичный характер исторического развития страны, что проводил мысль о преемственности между историей страны времени Петра I и состоянием ее в период реформ при Александре II. В этой связи В.Е. Иллерицкий совершенно справедливо указывал, что, на взгляд С.М. Соловьева, «реформы Петра I ввели Россию в семью европейских народов, современные должны были завершить “европеизацию” России посредством создания “правового” государства, исключая социальные конфликты» (Иллерицкий 1980: 130). Замечание В.Е. Иллерицкого показывает, что положения и выводы С.М. Соловьева о петровской европеизации России были достоянием не только историографии, но и общественной мысли в целом, в которой запрос на европеизацию разных сторон внутренней жизни был в период реформ очень существенным.

Не случайно С.М. Соловьев не только поставил Петра Великого на самое видное место в отечественной истории, не только уделил огромное внимание ему и его деятельности в своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен», но и посчитал необходимым сделать личность и деятельность Петра I темой публичных юбилейных чтений. Для слушателей эти лекции представляли интерес, а их важ-

нейшие положения находили в их сознании поддержку и понимание.

Положение С.М. Соловьева о русском народе как о народе историческом разделял мыслитель первой половины XX в. Н.П. Карсавин. Вместе с тем в само понимание этого положения он внес принципиальное изменение и рассматривал его по существу с противоположных позиций, чем это делал С.М. Соловьев. Внимание Н.П. Карсавина к вопросу о значении петровской европеизации, о самом понятии исторического народа было не случайным. Революция и эмиграция способствовали оживлению традиционного для русской общественной мысли вопроса о европеизации России и ее последствиях, о роли русского народа как народа исторического. Как отмечал Л.П. Карсавин в своем труде «Восток, Запад и русская идея», изданном впервые в 1922 г. за рубежом, в настоящее время «Россия переживает второй период острой европеизации (считая первым эпоху Петра)». Однако если для большинства мыслителей либерального, и не только либерального, направления европеизация России была явлением в целом позитивным, то Л.П. Карсавин отнесся к позитивной оценке европеизации критически и вступил в скрытую полемику с С.М. Соловьевым. Так, место русского народа среди исторических романо-германских народов определялось, с точки зрения С.М. Соловьева, тем, что он в результате петровской европеизации оказался способен к развитию, а само развитие понималось как европейский прогресс. Для того времени, когда работал С.М. Соловьев, такое отношение было не случайно. Идея исторического прогресса, четко обоснованная в период Великой Французской буржуазной революции Ж.А. Кондорсе, сохраняла свое влияние и принималась в социальной науке, переживавшей период своего становления. Петровская европеизация рассматривалась С.М. Соловьевым как форма осуществления этой идеи в России. Однако иное отношение к идее прогресса сложилось в

конце XIX в., а особенно в начале XX в., когда человечество пережило потрясение мировой войной, а затем революцией в России. Л.П. Карсавин считал возможным говорить о «русской идее» как о чем-то реальном, но до сих пор еще четко не установленном и не сформулированном. Но, во всяком случае, для него было очевидно, что «не в “европейских” тенденциях русской мысли, общественности и государственности надо искать эту идею» (Карсавин 2010: 48). Таким образом, в отличие от С.М. Соловьева, Л.П. Карсавин не связывал с европеизацией положение об историческом народе. Он указывал, что активное ее внедрение в русскую жизнь Петром I несколько не соответствовало понятию об историческом народе, поскольку это не выходило за рамки усвоения идей, сформировавшихся в других культурах, среди народов романо-германской Западной Европы.

Другой видный представитель западного направления русской общественной мысли и современник С.М. Соловьева К.Д. Кавелин обращал внимание не только на направление реформ Петра I в сторону европеизации. Он подчеркивал, что идея европеизации сформировалась в России до Петра I. «О преобразованиях на заграничный лад думали и до Петра; кое-что уже было сделано в этом направлении» (Кавелин 2010: 256), – верно отмечал он. Проводя европеизацию, Петр I несколько «не нарушил традиции, а, напротив, следовал преданию московских государей с Ивана III, а особенно с Ивана Грозного» (Кавелин 2010: 259), – писал он. «Сама сила вещей вынуждала нас облечься в европейские формы», – обосновывал он это положение, и далее указывал, как развивалась сама потребность в реформах, направленных на европеизацию России. Он указывал, что «потребность приобрести Остзейский край вовлекла нас в войну со Швецией, а это настоятельно потребовало преобразования войска по европейскому образцу и создания флота» (Кавелин 2010: 257). За этим последовали неизбежные «перемены во

внутреннем быте» (Кавелин 2010: 258). К.Д. Кавелин прямо не говорил об осознании Петром I такой взаимосвязи. Но он давал, тем не менее, понять, что царь эту взаимосвязь ощущал вполне и европеизацию страны проводил очень последовательно и настойчиво, в отличие от своих предшественников. Поэтому он подчеркивал, что «никогда еще до него преобразование не было возводимо в принцип», и что «никто до него не проникался так всецело идеалом европейского государства и быта». И поэтому «Петр внес этот идеал в русскую жизнь», причем «вступил во имя его в борьбу с тогдашней действительностью» (Кавелин 2010: 256). К.Д. Кавелин, безусловно, стремился защитить Петра I от нападков со стороны своих оппонентов славянофилов. И он нашел сильный аргумент в пользу признания петровской европеизации органичным явлением русской жизни. Доказательством этому служит, по его словам, то, что «все образованное меньшинство русского общества бросилось в «прорубленное Петром Великим окно в Европу» и «протеснялось туда наперерыв, неудержимо, с удивительной энергией, до нашего времени» (Кавелин 2010: 261). Тем самым он подчеркивал, что европеизация соответствовала не только потребностям государства, но и интересам русского общества.

Уже в другой исторический период пореформенной России, в начале 80-х гг., когда в стране начались контрреформы, о значении петровской европеизации писал выдающийся историк-юрист Б.Н. Чичерин в своем труде «Собственность и государство». Наблюдая происходившие в стране процессы, такие как усиление революционного терроризма, явную неспособность власти справиться с ним и возрастающее отчуждение власти от общества, четко осознавая невозможность с помощью усиления мер охраны предотвратить надвигающиеся потрясения, Б.Н. Чичерин выражал большую обеспокоенность. «Глубокий разлад, разъедающий современные общества, отражается у нас в потрясающих явле-

ниях и порождает страшные события» (Чичерин 2010: 889), – писал он в заключительной части своего труда. Он пытался предложить какой-то выход из положения и приводил как пример опыт европеизации страны при Петре I, тем более, что, как справедливо отметил А.И. Нарезный, он рассматривал историческое развитие России «в контексте европейской цивилизации» (Нарежный 2010: 10). Историк отвергал при этом всякую обоснованность действий, «возлагая все свои надежды на темные инстинкты масс», тем самым отрицая революционный путь, вероятность которого в то время обозначалась в стране все более отчетливо. Выход он предлагал иной: «не отречься от всемирной истории как от чего-то нам чуждого, не отвращаться от ясной области разума». Именно таким был исторический путь, проделанный почти за двести лет до выхода «Собственности и государства», «новой России, введенной гением Петра в семью европейских народов». Б.Н. Чичерин при этом подчеркивал наличие исторической связи между реформами Петра I, направленными на европеизацию страны, и буржуазными реформами при Александре II, указывая, что эти буржуазные реформы составляли продолжение идеи, заложенной в петровской европеизации. Исследователь видел в этом направление пореформенных преобразований, «великих и дорогих всякому русскому преобразований минувшего царствования, которые окончательно поставили нас на европейскую почву, перестроив весь наш общественный быт на началах свободы» (Чичерин 2010: 890). Указание Б.Н. Чичерина на продолжение при Александре II петровской европеизации было не случайным. Он по существу стремился опереться на Петра Великого, как бы предлагая иной путь развития страны по сравнению с тем, который был заключен в манифесте о незыблемости самодержавия, написанном К.П. Победоносцевым, или в революционном пути, угрозу которого русское общество все сильнее ощущало. Конечно же, Б.Н. Чичерин

понимал, что в такой логической связи была натяжка с исторической точки зрения. И если перестройку страны «на началах свободы» еще можно было как-то связывать с буржуазными реформами, то петровская европеизация несколько не соответствовала началам свободы. Но в данном случае такое логическое построение было полемическим приемом, который использовал Б.Н. Чичерин против реакционеров.

Мысль С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина о европеизации России как о внутреннем содержании и методе проведения петровских реформ воспринял другой выдающийся историк, В.О. Ключевский. Как он указывал, эти реформы, начинавшиеся еще до царя-реформатора, «были предприняты частью под влиянием Западной Европы и исполнены при содействии людей той же Европы. До той поры русское общество жило влиянием туземного происхождения, условиями своей собственной жизни и указаниями природы своей страны» (Ключевский 2010: 417). Замечание очень точное. По склонности В.О. Ключевского к кратким, четким и образным выражениям своей мысли он выразил то, что привлекало Петра I и русское общество к странам Запада и к их культуре. «На Западе знают больше нашего и даже для нас могут много сделать лучше, чем мы сами. Таким образом, Запад для нас и школа, и магазин полезных изделий, и своего рода курс исторических уроков», – писал он. Но вместе с тем В.О. Ключевский обосновывал пределы и границы европеизации, проводившейся Петром I. Он заявлял, что Петр I «по-видимому, думал, что Россию связывает с этой Европой временная потребность в военно-морской и промышленной технике, которая там процветала в его время, и что по удовлетворении этой потребности эта связь разрывалась». Историк даже утверждал, что царь будто бы так говорил по этому поводу: «Европа нужна нам еще на несколько десятков лет, а там мы можем повернуться к ней спиной». Тем самым Петр I будто бы сам четко ограничил цели

и пределы европеизации. Но, отмечал В.О. Ключевский, ограничить европеизацию русского общества этими пределами было невозможно. По его словам, «ослабевая в государственной и экономической жизни, западная культура проникала в жизнь общественную, в нравы, понятия и привычки общежития, прививая к нему западные удобства и украшения, пристаивая к нему, как пыль к колесу» (Ключевский 2010: 420). Отсюда вытекало неизбежное следствие. После Петра I «русское общество и не думало повертываться спиной к Западной Европе» (Ключевский 2010: 421). Это верно, европеизация страны, резко ускоренная Петром I, продолжала развиваться после него. Но вместе с тем мысль В.О. Ключевского о стремлении царя ограничить европеизацию только сферой, относящейся к науке и технике, к военному и морскому делу, к непосредственным нуждам государства противоречит некоторым сторонам реальной деятельности по европеизации дворянства вообще. Тем более, что сам В.О. Ключевский несколько противоречил в этом отношении сам себе. Он правильно указывал, что «когда иноземная культура навязывается обществу, не чувствующему в ней потребности, необходим механический проводник, который бы искусственными средствами прививал и вводил ее в это общество» (Ключевский 2010: 424). В роли такого проводника он видел дворянство. Но в результате того, что на него была возложена подобная роль, оно, по словам историка, «успело уже связаться с Западом разнообразными нитями, которые трудно было порвать» (Ключевский 2010: 428). Да и не заметно, чтобы царь как-то пытался порвать эти связи. В отличие от С.М. Соловьева, читавшего публичные лекции о Петре Великом в условиях реформ Александра II, В.О. Ключевский также читал курс публичных лекций о европеизации после Петра I в московском Политехническом музее уже в период контрреформ. Сама тема давала ему повод для раздраженного высказывания об осо-

бенностях идеологии этого времени. Он отмечал, что «прилив патриотизма и тоска по самобытности так могущественно захватывает наше общество, что мы, обыкновенно довольно неразборчивые поклонники Европы, начинаем чувствовать какое-то озлобление против всего европейского» (Ключевский 2010: 421). По существу, этот курс был призван напомнить о прочности петровской европеизации России, которая успешно продолжалась уже без самого царя.

Более точно, чем В.О. Ключевский, о пределах петровской европеизации России говорил уже в период первой мировой войны П.Г. Виноградов. В своей статье «Россия и Европа» он исключительно позитивно оценивал «широкий путь, на который решительно вступил Петр Великий – путь приобщения к великой европейской культуре» (Виноградов 2010b: 411). Так, через категорию культуры, он понимал европеизацию России. Но такое понимание позволяло включать в европеизацию самые разные сферы жизни, относящиеся к военному делу и к технике, к экономике и к государственному строительству, к духовной культуре и разным сторонам быта. П.Г. Виноградов соглашался с В.О. Ключевским, что «Петр и его последователи интересовались прежде всего приобретением технических навыков» в странах Европы. Но он более четко заявлял о социальной составляющей петровской европеизации. Так, В.О. Ключевский говорил лишь о дворянстве как о проводнике реформ и европеизации. П.Г. Виноградов же отметил последствия этой европеизации для «зависимой народной массы на Руси». «Кроме хозяйственного и юридического крепостничества получилось разделение по культурным началам», – указывал он, имея в виду разделение этой народной массы и дворянства. Но П.Г. Виноградов вместе с тем указывал и на то, что и для самого дворянства европеизация была ограниченной. Благодаря этому выходило так, что «своеобразным смягчением противоположности (культурной про-

тивоположности между народом и дворянством. – Т.А.) являлось полудикое состояние самих правящих классов, для которых наносная культура в значительной степени осталась лишь внешней формой» (Виноградов 2010b: 414). Следовательно, сам культурный уровень старой России ставил пределы европеизации. И если исследовательница допетровской европеизации Т.В. Черникова говорила о поверхностном ее характере (Черникова 2012: 845), то П.Г. Виноградов также указывал по существу своим читателем на столь же поверхностное усвоение европейских начал значительной частью русского дворянства при Петре I и после его правления. Еще более точно он указал на такую поверхностность в своей более поздней статье «Положение дел в России», написанной уже после революции. «Начавшись с поверхностного влияния в восемнадцатом столетии, соединение русской культуры с культурой Центральной и Западной Европы достигло быстро возрастающей стремительности в девятнадцатом» (Виноградов 2010a: 513), – отмечал он. Тем самым европеизацию России петровского времени он также считал поверхностной и ограниченной. Однако на европеизацию России в либеральной общественной мысли указывалось не только как на ограниченную, но и как на далеко не завершенную. В своем «Общем ходе всемирной истории» Н.И. Кареев, выделяя европеизацию России как значимое явление не только отечественной, но и мировой истории, указывал на ее последствия. Он писал, что «со времени петровской реформы, подготовленной, впрочем, всем предыдущим историческим развитием, Россия малопомалу заняла свое место в Европе». Это, по его словам, означало, что «высшая культура», под которой он имел в виду западную культуру, нашла свое место и в России, которая до Петра I отличалась своей самобытностью и твердостью исконных начал. Однако само вхождение в европейский мир ни при царе-преобразователе, ни после него завершено, как подчеркивал

Н.И. Кареев, не было. Отсюда не случайно «наша историческая отсталость и до сих пор дает о себе знать» (Кареев 2010: 342). Это было написано им в конце XIX в., однако и в более позднее время отсталость так и не была преодолена.

С.Л. Франк проделал путь от участника революционных народнических и марксистских революционных группировок к легальному марксизму и деятельности в либеральном «Союзе Освобождения», а затем к религиозной философии. В статье «Из размышлений о русской революции», вышедшей в свет в эмиграции в 1923 г., он сравнивал процессы «раскрепощения личности и секуляризации культуры» в странах Запада и в России. Исследователь отметил, что на Западе «этот процесс начинается с могущественного и совершенно спонтанного духовного и религиозного движения – с Ренессанса и Реформации». Но в России не было «ни Ренессанса, ни Реформации». Начиналось все в России «сразу как бы с периферии – с секуляризации государственности и связанных с нею внешних, граждански-юридических форм культуры». На этом основании он связывал с Петром I не просто европеизацию России. В своей оценке он шел дальше и заявлял, что «Петр Великий ... был действительно первым русским революционером, и не случайно большевики при последнем ограблении церковью ссылались на его пример» (Франк 2010: 282). Сравнение весьма показательное. Несомненно, что для С.Д. Франка, пережившего революцию и эмиграцию, как и для эмигрантской среды вообще, сравнение Петра I с революционером несло явно негативный смысл. Вместе с тем С.Л. Франк справедливо указал на достаточно широкую распространенность в то время представления о Петре Великом как о революционере на троне.

Таким образом, представители либеральной общественной мысли России признавали европеизацию в качестве органичного исторического явления, вызванного всем ходом развития страны и выражавше-

го ее потребности. В целом европеизации России при Петре I давалась позитивная оценка. Но вместе с тем либеральные мыслители указывали на незавершенность преобразований России по европейскому пути.

С общей оценкой европеизации России была связана оценка личности и деятельности самого царя-преобразователя, в том числе в связи с его ролью в укреплении в России государства и самодержавного строя.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов П.Г.* 2010а. Положение дел в России // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Виноградов П.Г. 2010b. Россия и Европа // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Иллерицкий В.Е. 1980. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука.
Кавелин К.Д. 2010. Мысли и заметки о русской истории // Избранное. М.: РОССПЭН.
Кареев Н.И. 2010. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Карсавин Л.П. 2010. Восток, Запад и русская идея // Избранное. М.: РОССПЭН.
Ключевский В.О. 1957. Курс русской истории // Соч. в 8 т. Ч. 3. М.: Госполитиздат.
Ключевский В.О. 2010. Западное влияние в России после Петра // Избранное. М.: РОССПЭН.
 Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения. 30 июля 1767 г. 2010 // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 115–189.
Нарежный А.И. 2010. Борис Николаевич Чичерин // Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М.: РОССПЭН.
Павлов-Сильванский Н.П. 1988. Феодализм в Древней Руси // Феодализм в России. М.: Наука, 3–149.
Погодин М.П. 2010. Петр Великий // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Франк С.Л. 2010. Из размышлений о русской революции // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Черникова Т.В. 2012. Европеизация России во второй половине XV–XVII веках. М.: МГИМО-Университет.
Чистякова Е.В., Богданов А.П. 1988. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов.
Чичерин Б.Н. 2010. Собственность и государство. М.: РОССПЭН.
Шириянц А.А., Рясенцев К.В. 2010. Михаил Петрович Погодин // Избранные труды. М.: РОССПЭН.

REFERENCES

- Vinogradov P.G.* 2010a. Polozhenie del v Rossii. Moscow. (In Russian).
Vinogradov P.G. 2010b. Rossiya i Evropa. Moscow. (In Russian).
Illeritskii V.E. 1980. Sergei Mikhailovich Solov'ev. Moscow. (In Russian).
Kavelin K.D. 2010. Mysli i zametki o russkoi istorii. Moscow. (In Russian).
Kareev N.I. 2010. Obshchii khod vseмирnoy istorii. Ocherki glavneishikh istoricheskikh epoch. Moscow. (In Russian).
Karsavin L.P. 2010. Vostok, Zapad i russkaya ideya. Moscow. (In Russian).
Klyuchevsky V.O. 1957. Kurs russkoi istorii. Part. 3. Moscow. (In Russian).
Klyuchevsky V.O. 2010. Zapadnoe vliyanie v Rossii posle Petra. Moscow. (In Russian).
 Nakaz komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya. 30 iyulya 1767 g. Ekaterina II. Moscow, 2010, 115–189. (In Russian).
Narezhnij A.I. 2010. Boris Nikolaevich Chicherin. In Chicherin B.N. Sobstvennost' i gosudarstvo. Moscow. (In Russian).
Pavlov-Sil'vansky N.P. 1988. Feodalizm v Drevnei Rusi. Feodalizm v Rossii. Moscow, 3–149. (In Russian).
Pogodin M.P. 2010. Petr Velikii. Moscow. (In Russian).
Frank S.L. 2010. Iz razmyshlenii o russkoi revolyutsii. Moscow. (In Russian).
Chernikova T.V. 2012. Evropeizatsiya Rossii vo vtoroi polovine XV–XVII vekakh. Moscow. (In Russian).
Chistyakova E.V., Bogdanov A.P. 1988. "Da budet potomkam yavleno...". In Ocherki o russkikh istorikakh vtoroi poloviny XVII veka. Moscow. (In Russian).
Chicherin B.N. 2010. Sobstvennost' i gosudarstvo. Moscow. (In Russian).
Syrians A.A., Ryasentsev K.V. 2010. Mikhail Petrovich Pogodin. Moscow. (In Russian).

T. Yu. Edunova
Rostov-on-Don, Russia

PETER THE FIRST IN RUSSIAN LIBERAL DISCOURSE OF THE SECOND HALF OF XIXth AND THE BEGINNING OF XXth CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the views of Russian liberal leaders of the second half of the XIX – early XX centuries on Peter I and his transformation. The subject of the article is the historical and publicistic works of such authors as M. Pogodin, S. Soloviev, K. Kavelin, B. Chicherin, P. Vinogradov, S. Frank. Using textological analysis, the author aims to analyze the assessments made by representatives of the liberal Russian public of Peter I's transformational activities. According to the author, representatives of the Russian liberal discourse spoke about Russia as a part of Europe primarily in the geographical sense, and the common destiny of Russia and Western European countries is often determined by geography. Thinkers believed that European culture found its place in Russia, which before Peter I distinguished by its originality and firmness of the original principles. The author concludes that Russian liberals recognized Europeanization as an organic historical phenomenon caused by the whole progress of development of the country and expressing its needs. In general, the Europeanization of Russia under Peter I was given a positive assessment. Europeanization was considered as a factor in the integration of the Russian state into the European processes and a guarantee of its economic and political development. At the same time, the transformation of Russia in the European direction, as liberal intellectuals believed, was unfinished. Pointing to the incompleteness of the transformation, liberal thinkers put forward various reasons for the incompleteness of the transformation along the European path. The general assessment of the Europeanization of Russia was associated with the assessment of the personality and the activities of the King-converter himself, including in connection with his role in strengthening the state and the autocratic system in Russia.

Key words: Peter the First; 19th century; Russian liberalism; Russian history; Europeanization of Russia; reforms; Konstantin Kavelin, Sergey Soloviev, Boris Chicherin.

About the author: Tatiana Yurievna Edunova, senior lecturer in the history of Russia.

Place of employment: Institute of history and international relations of the Southern Federal University.

Айдунова Т.Ю. Петр I в либеральном дискурсе России второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Нижегородского государственного университета. 2019. № 3. С. 122–130.

Edunova T.Yu. Peter I in Russian liberal discourse of the second half of XIXth and the beginning of XXth centuries // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 122–130.

УДК 93/94

Э. С. Красовитова
Сургут, Россия

ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЭПОХУ АКТИВНОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СУРГУТА)

Аннотация. Статья посвящена проблемам строительства в городе Сургуте в эпоху промышленного освоения Севера в середине 1960–80-х гг. Рассмотрены ключевые ошибки, допущенные застройщиками при строительстве. В 1960–70-е гг. главным событием в Сибири стало формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое наиболее существенно за всю историю XX столетия изменило значимость региона, как в хозяйственном комплексе страны, так и в мировой экономике. Многоведомственность в проектировании города, отсутствие должного надзора за градостроительством, отсутствие базы стройиндустрии, безответственность министерств и ведомств, местных организаций, градостроительных организаций, отсутствие утверждённого генерального плана города и его единого заказчика, а также отсутствие типовых проектов, учитывающих вопросы градостроения на севере – всё это привело к нерациональным затратам, низкому уровню элементарных основ градостроительства. Анализ произведён на основе документов, протоколов, справок Совета Министров, народного контроля и т. д.

Ключевые слова: Север Западной Сибири; городская история; история Сургута.